Тревожная
весна 45-го

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Зловещий ТРОФЕЙ

МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

В оформлении обложки использована работа художника *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Зловещий трофей / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-117232-9

Послевоенную столицу потрясает серия громких убийств работников железной дороги. Каждый раз после расправы преступники что-то упорно ищут в домах своих жертв. Оперативники МУРа Иван Старцев и Александр Васильков замечают на месте преступления важную улику – след трофейного немецкого автомобиля. Таких машин в Москве всего несколько штук. Остается найти владельца и через него выйти на злоумышленников. Внезапно такая, казалось бы, простая задача становится для сыщиков настоящей боевой операцией...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117232-9

© Шарапов В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРОЛОГ

Ближнее Подмосковье
Лесной массив восточнее Ярославского шоссе
Конец мая 1945 года

В одном из овражков посреди густого смешанного леса, простиравшегося на многие километры северо-восточнее Московской окружной железной дороги, горел яркий костерок. Возле него сидели двое относительно молодых мужчин. Точно их возраст определить было сложно. Оба давненько не стригли волос, не брились, не посещали баню. В таком же неопрятном состоянии пребывали и их одежда с обувью.

Вечерело. От безветрия дымок тянуло вверх, но в сумерках над лесом его не приметил бы ни один внимательный взгляд. Дно овражка было покрыто слоем прошлогодней листвы, сквозь которую обильно пробивалась молодая травка.

По правую руку от светловолосого мужчины лежал кожаный коричневый шлемофон, немецкий пистолет-пулемет «МР-40» и офицерский ремень с брезентовым подсумком для трех запасных магазинов. На мужчине был старый пиджак, наде-

тый поверх тонкого шерстяного свитера. Черные широкие брюки, легкие тряпичные туфли непонятного цвета.

По левую руку был накрыт «стол». «Столом» служила старая измятая газета «Известия» от 10 мая 1945 года. На ее первой странице размещались в ряд три портрета: Сталина, Черчилля и Трумэна. Слева под портретами публиковалось обращение товарища Сталина к народу. Справа — приказ Верховного главнокомандующего.

Тексты обращения и приказа было не разобрать, так как аккурат на них лежала нехитрая закуска: испеченная в золе картошечка, пожаренная на костре рыбка, вскрытая банка консервов да краюха ржаного хлеба.

Второй мужчина был немного постарше, высок, широкоплеч и хорошо сложен. Одет он был в добротную офицерскую форму: зеленый китель без погон, в синие галифе, давно не чищенные хромовые сапоги. Кителек и галифе, правда, были на размер или два поменьше — видно, достались с чужого плеча.

Рядом с ним на расстеленной шинели валялся ремень с большой кобурой армейского «вальтера» и эсэсовский кинжал. Чуть подальше на траве лежали удочки из срезанной свежей лещины. Между ног здоровяка стоял раскрытый вещмешок, над которым он разливал по кружкам водку.

— Давай, Игнат, за удачную вылазку, — подал он кружку напарнику.

Тот принял посудину, с удовольствием вдохнул запах водки.

— Чтобы нам завсегда фартило, — сказал он низким хрипловатым голосом и залпом опрокинул в себя алкоголь.

Выпив, принялись за картошечку и рыбку, которую недавно наловили в прудах между Мытищами и Оболдино. Немного придавив в желудках голод, закурили.

— Хорошо, — откинулся на шинель здоровяк. — Скоро лето. Заживем.

— Летом везде хорошо, — согласился Игнат. — Но знаешь, что я тебе скажу. Опасно возле Москвы отираться. Здесь одних энкавэдэшников — пехотный корпус, если считать по головам. Плюс легавые, вояки да моссеры[1]. Не ровен час напоремся.

— Что предлагаешь?

— На юга надо подаваться. На Кубань, на Кавказ или к Черному морю. Я дезертировал в мае сорок четвертого и сюда добирался кружным путем через Ростов и Ставрополь. Тут только до октября можно жить припеваючи, покуда морозы не вдарят. А там круглый год как у Христа за пазухой: воруй да пей сулейку[2].

— А что там конкретно?

---

[1] Моссер — осведомитель или сотрудник уголовного розыска.

[2] Сулейка — водка.

— Тепло там, Паша, и это главное. А так... народу поменьше, жизнь поспокойнее, фрукты, овощи, баранина, вино.

Здоровяк по имени Павел глубоко затянулся табачком, задумался. Потом поднялся с шинели, сел, пульнул окурок в костер. Сплюнул в сторону и сказал:

— Тепло я люблю. В штрафной роте на всю оставшуюся жизнь насиделся по блиндажам да окопам в лютый мороз и в распутицу. Солнца хочу. Только чего ж пустыми-то ехать? Там надо местечко подыскать, осмотреться. Может, шоблу подходящую полукать[1]. Для этого, Игнат, башли надо иметь.

— Так взяли ж!

Паша усмехнулся, оскалив два золотых зуба. Из кармана галифе он достал и бросил на шинель десятка два скомканных купюр, а из нагрудного кармана кителя вынул горстку золотых ювелирных изделий.

— Этого хватит только на дорогу. А там что же, в паломники[2] подаваться?

— А помнишь, ты сберкассу предлагал взять?

— Было дело.

— Так чего ж? Давай обмусолим и организуем налет. Прихватим сто кусков наличмана, а?

---

[1] Л у к а т ь — искать что-либо, вызнавать, бродить в поисках.

[2] П а л о м н и к — вор, совершающий кражи с прилавков магазинов и базаров.

— Не пыли. — Здоровяк разлил по кружкам оставшуюся водку. — Тут помозговать надо. Времечко ныне неспокойное: война закончилась, страна в разрухе, жрать нечего... А денег на руках много, особливо у демобилизованных офицеров. Вдруг Рябой[1] денежную реформу замыслит? Что тогда делать с сотней кусков? Заявиться с ними в другую сберкассу и попросить поменять?

Вопрос поставил простоватого Игната в тупик. Выпив водку, он схватил кожаный шлемофон, занюхал им и прохрипел:

— Как же быть?

В ответ Паша сгреб с шинели скомканные купюры. На шинели остались лежать золотые ювелирные изделия.

— Рыжье и шелуха[2]. Усек?

— Нет.

— Рыжье и шелуха всегда останутся в цене опосля любой реформы.

— Точно! — расплылся в улыбке Игнат.

— То-то же. А барыга[3] в любом городе найдется. Только вот что... — здоровяк рассовал обратно по карманам добычу. — Чтобы дело вышло верным, надо бы оседлать агрегат[4].

---

[1] Рябой — одно из прозвищ Сталина в уголовной среде.

[2] Рыжье и шелуха — золото и бриллианты.

[3] Барыга — скупщик краденого.

[4] Оседлать агрегат — угнать автомобиль.

— Автомобиль, что ли?

— Да. Чего ты на меня вылупился? На нем сподручнее и делишки обстряпывать, и от мусорни уходить. А коли справим добрые бирки[1], то и на юга махнем на собственных колесах...

Небо становилось серым, в лесу быстро темнело.

Паша вынул из вещмешка вторую бутылку водки, разлил по кружкам очередную порцию.

Выпив и закусив, дружки еще долго обсуждали у затухавшего костерка планы на ближайшее будущее...

---

[1] Б и р к и — документы, удостоверяющие личность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Венгрия. Недалеко от северного берега озера Балатон

15 декабря 1944 года

Густой лес еще сохранял таинственную сумрачность, но позади над восточным горизонтом уже полыхнуло красно-оранжевое зарево. Начинался новый день.

Командир дивизионной разведки майор Павлов подыскивал удобную для большого привала полянку. Люди устали. Пора было подкрепиться и как следует отдохнуть.

Этот выход не заладился с самого начала. Приказ собрать группу из двенадцати человек поступил из штаба фронта неожиданно, под вечер. Из всей разведроты живыми-здоровыми числились только девять душ, включая самого ротного. Семнадцать бойцов мотались по госпиталям с различными ранениями, рядовой Курбанов второй день дристал, не вылезая из кустов, его за линию фронта не возьмешь — замучает остановками. Федя Хлынов — надежный и верный помощник — каждый день пехом мотался в санвзвод

на перевязки. Ранение он получил во время неудачного «поиска», когда группа была обнаружена и отходила с боем. Его участие в рейде тоже было под большим вопросом.

Павлов построил всех имевшихся в наличии, вкратце обрисовал задачу, приказал снять погоны, сдать документы и ордена, получить боеприпасы, сухари, хлеб, тушенку. Подошедший комдив поначалу рыкнул:

— Почему так мало людей?!

Услышав ответ Павлова, сбавил обороты:

— Ладно... Но надо бы добрать хотя бы до десятка.

Надо бы, да где этого десятого взять? Не родить же... И снова вспомнился друг Хлынов. Сколько раз после ранений и госпиталей Павлову и Хлынову предлагали перейти из разведки в один из полков дивизии. Не пацаны уже. Как ни крути, а должности для таких офицеров в строевых частях поспокойней, чем в разведроте. Что ж, иногда мыслишки об отдыхе посещали — зачем кривить душой? Ведь постоянное физическое и психическое перенапряжение выматывало так, что организм и душевное состояние требовали отдыха или хотя бы передышки. Но удивительное дело: когда они случались, эти передышки, то мысли начинали работать в другую сторону. Когда Павлов в последний раз валялся в медсанбате с пробитой осколком ногой, то так затосковал по товарищам и разведке, что едва хватило терпежу долечиться.

Вышли с позиций еще засветло, пару километров топали вдоль линии фронта по обочине грязной разбитой дороги. И тут вдруг навстречу капитан Хлынов с перевязки. Вот радость-то! Остановились. Оказалось, что его эпопея с ранением закончена, повязок больше нет — сняли.

Узнав, что к чему, Федор решительно заявил:

— Я с вами!

— Выдюжишь после месячного простоя? — только-то и спросил Павлов.

— Еще как! — ответил капитан, готовый пристроиться в хвост группы.

А чего ему было раздумывать? Здоров, полон сил, оружие и дневная пайка при себе. Правда, документы с наградами не сдал. Вполголоса он напомнил об этом Павлову. Тот отмахнулся:

— Ладно, чего уж... не смертельно.

Что ни говори, а майор был очень рад такому повороту. Хлынов — давний друг, опытный разведчик. Такой во вражеском тылу троих стоит.

Ну а Федор засунул бумаги поглубже в сапог, ордена-медали в холщовый мешочек, да подальше в карман галифе. И, поправив висевший на плече автомат, зашагал замыкающим группы...

* * *

Наконец Павлов наткнулся на подходящую полянку, покрытую островками еще зеленевшей травы. Сбросил с плеча автомат и кивнул товарищам:

— Здесь. Привал два часа.

— Наконец-то, — устало прошептал старшина Савин.

Он тоже поспешил освободиться от оружия и тяжелого вещмешка, где помимо харчей лежали боеприпасы и медикаменты.

Однако командир разрушил его надежды:

— Старшина, ты первый в дозор.

— Слушаюсь, — проворчал тот.

— И повнимательней. Капитан несколько раз слышал странные звуки.

— Неужто увязался хвост? — Старшина опасливо посмотрел в ту сторону, откуда пришла группа.

— Не исключаю...

Затяжной марш-бросок вымотал разведчиков. Едва наступила ночь, они пересекли линию фронта и сразу же углубились в немецкий тыл. Шли без отдыха, обходя ровный и безлесный северо-восточный берег озера Балатон. Гражданское население Венгрии жило хорошо и довольно сытно; отношение к советским бойцам было настороженное, но без агрессии. Тем не менее разведка действовала по старому, проверенному принципу: чем меньше людей знает о группе, тем больше у нее шансов вернуться к своим. Потому и кружили по густым лесам. Лишь дважды группа останавливалась на короткие перекуры, и оба раза прикрывавший товарищей капитан Федор Хлынов предупреждал о подозрительных шорохах и звуках.

— Что скажешь? — тихо спросил майор, когда остановились на полянке.

— В последний раз слышал часа два назад. — Хлынов расстегнул ворот гимнастерки.

— И на что это было похоже?

— Будто сухая ветка сломалась под ногой. Полная тишина. Потом — короткий щелчок. И опять тихо.

Павлов пожевал нижнюю губу, качнул головой. И предположил:

— Мы отмахали километров двадцать пять, прилично устали. Тебе не могло показаться?

— Не знаю, Петр, — неуверенно ответил Хлынов. — Раз другие не слышали, то и я мог напутать.

— Ладно, глотни водки и отдыхай...

Офицеры от капитана и выше в разведку и на поиск ходили редко. Поговаривали, будто из Ставки пришел секретный приказ: капитанов и майоров не посылать. Дескать, много знают, представляют для немцев большой интерес. Существовал ли он на самом деле или являлся выдумкой — неизвестно. А только отправляли их за линию фронта в одном случае: когда больше идти было некому.

Озеро Балатон с невероятно красивым северным берегом протянулось с запада на восток аж на восемьдесят верст. В середине декабря 1944 года линия фронта проходила аккурат по южному берегу. Советские части из 4-й Гвардейской армии прижали немца вплотную к воде. Тот отчаянно